

ПОБЕДА ХТШ В СИРИИ И ИСЛАМИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОЦЕССЫ, ВЛИЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Евстратов А. Г.

Аннотация

В статье анализируются основные социально-политические процессы в среде российских мусульман, а также в мусульманских общинах других государств постсоветского пространства, запущенные под влиянием гражданской войны в Сирии и победы в ней исламистов группировки «Хайат Тахрир аш-Шам». Автор касается как чисто идеологических и религиозных, так и общественно-политических вопросов, а также говорит о возможных перспективах указанных процессов для мусульманской уммы РФ и других постсоветских стран.

ՀՏԾ-Ի ՀԱՂԹԱՆԱԿԸ ՍԻՐԻԱՅՈՒՄ և ԻՍԼԱՄԻԶՄԸ ՀԵՏԵՆՈՐՀՐԴԱՅԻՆ ՏԱՐԱԾՔՈՒՄ. ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐ, ԱՂԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆ, ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐ

Եվստրատով Ա. Գ.

Սեղմագիր

Հոդվածում վերլուծվում են ռուս մահմեդականների, ինչպես նաև հեղիտորիդային այլ պետությունների մուսուլմանական համայնքներում ընթացող հիմնական հասարակական-քաղաքական գործընթացները, որոնք սկսվել են Սիրիայում քաղաքացիական պատերազմի և «Հայաթ Թահրիր ալ-Շամ» խմբավորման իսլամիստների հաղթանակի ազդեցության ներքո: Հեղինակն անդրադառնում է ինչպես զուտ գաղափարական ու կրոնական, այնպես էլ հասարակական-քաղաքական խնդիրներին, ինչպես նաև խոսում է այդ գործընթացների՝ Ռուսաստանի Դաշնության և հեղիտորիդային այլ երկրների մահմեդական ումմայի համար հնարավոր հեռանկարների մասին:

THE VICTORY OF HTS IN SYRIA AND ISLAMISM IN THE POST-SOVIET SPACE: PROCESSES, INFLUENCE, PROSPECTS

Evstratov A. G.

Summary

The article analyzes the main socio-political processes among Russian Muslims, as well as in Muslim communities of other post-Soviet states, launched under the influence of the civil war in Syria and the victory of the Islamists of the Hayat Tahrir al-Sham group in it. The author touches upon both purely ideological and religious, as well as socio-political issues, and also talks about the possible prospects of these processes for the Muslim Ummah of the Russian Federation and other post-Soviet countries.

ПОБЕДА ХТШ В СИРИИ И ИСЛАМИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОЦЕССЫ, ВЛИЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ²

ВВЕДЕНИЕ

Неожиданный для общественности, равно, как и для многих экспертов, приход к власти в Сирии исламистского правительства под руководством главы запрещенной в РФ, США и ряде других стран «Хайат Тахрир аш-Шам» Абу Мухаммада аль-Джулани радикально изменил не только политический ландшафт страны и окружающего ее региона, но и всерьез повлиял на настроения всей мировой мусульманской уммы. Особенно опасным это влияние является для суннитской ее части и, конкретно, радикально настроенного сегмента оной, т. к. ситуация в САР являет собой успешный пример прихода к власти суннитских экстремистов, который их идеологические соратники и сочувствующие им круги готовы распространить и на другие регионы. Фактически, влияние победы ХТШ в Сирии на мировой исламский экстремизм сравнимо с тем, что имело «Исламское государство» в период своего наивысшего расцвета (2014–2016 гг.), а также – сумевшее добиться ухода американцев из Афганистана движение «Талибан». Вместе с тем, значение «победы» исламистов аль-Джулани может далеко превысить указанные примеры, т. к., с одной стороны, в отличие от «Исламского государства» ХТШ не замкнуто на радикальном исламистском формате и пытается взаимодействовать и, даже, сотрудничать со светскими государствами и движениями, а с другой, не завязано, подобно «Талибану» на контексте одной страны, имея в своем составе боевиков со всего мира и, пусть и не в первую очередь, но демонстрируя готовность экспортировать «революцию» на другие государства. Вместе с тем, в победе исламистов в Сирии крайне важна и их поддержка со стороны Турции и интересы последней, которые, фактически, сделали арабскую республику колонией Анкары. Все эти факторы особенно драматичны для России, с одной стороны, лишившейся важного регионального союзника в лице свергнутого президента Б. Асада, а с другой, стремящейся остаться в САР и рассматривающей для этого различные форматы действий. Кроме того РФ имеет на своей территории 20-миллионную мусульманскую общину – в основном суннитскую и влияющую на мусульманские сообщества других постсоветских стран, которая в свете победы сирийских исламистов не просто способна оказать влияние на политику РФ на

---

¹ Выпускник исторического факультета Воронежского государственного университета (2010 г.) и аспирантуры Воронежского государственного технического университета (2013 г.). Кандидат исторических наук. Работал в различных российских научных и медийных структурах. Доцент Института Востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета (2024 г., г. Ереван). Научные интересы – Ближний Восток, Иран, арабский мир, ислам, шиизм, ближневосточное христианство, проблемы национальных и религиозных диаспор в Европе, славянские народы мусульманского вероисповедания. Автор ряда книг и учебных пособий, а также более 200 научных и аналитических статей.

² Статья представлена в редакцию 02.04.2025 г.

Ближнем Востоке, но и влияющую на обстановку в самой стране. В целом лояльные политике российских властей в САР мусульмане РФ и их соседи-единоверцы имеют в своих рядах и сторонников ХТШ и других исламистских группировок – как явных, так и тайных. События в Сирии, вне сомнения, окажут влияние на сторонников экстремистских взглядов и методов взаимодействия с властью и обществом, что окажет влияние на социально-политическую обстановку в и вокруг России. В данном материале анализируется это влияние и его перспективы, что теоретически может содействовать формированию подлинной картины происходящего у компетентных институтов и принятию ими верных решений.

Политико-идеологическая ситуация в современной Сирии

После стремительного наступления на Дамаск вооруженных сил сирийской оппозиции под руководством наиболее боеспособной и хорошо организованной их группировки – «Хайат Тахрир аш-Шам», в арабской республике принципиально поменялась не только официальная идеология, но и религиозно-политическая картина в целом. Салафитские движения, ранее контролировавшие лишь провинцию Идлиб и отдельные территории в соседних регионах – Хаме и Алеппо, в настоящее время властвуют на большей части Сирии. Исключение составляют северо-восточные районы страны, контролируемые курдско-арабскими «Сирийскими демократическими силами» и небольшая территория на юге, окружающая американскую базу Эль-Танф [1].

Вместе с тем, Сирия сохранила свой многоконфессиональный характер и, при наличии 70%-го суннитского большинства, в интересах которого провозглашают свою деятельность салафиты, на ее территории продолжают проживать шииты (*иснаашариты*, *исмаилиты* и *алавиты* – 1,1 и 10% населения соответственно), христиане различных конфессий (до 5%), друзы (1%), а также относительно светские курды, хотя и относящиеся в большей степени к суннитскому направлению ислама. И если раньше, в годы правления Хафеза и Башара Асадов, несмотря на свою малочисленность, именно алавиты занимали ключевые должности в правительстве, армии, спецслужбах и правящей партии Арабского социалистического возрождения (БААС), пусть и при значительном участии христиан и суннитского большинства, то с конца 2024 года меньшинства Сирии оказались не просто отстраненными от власти, но и столкнулись с угрозой их физическому выживанию.

Несмотря на то, что в первые недели своего правления новый президент Абу Мухаммед аль-Джулани (настоящее имя – Ахмед аш-Шараа) декларировал стремление к построению демократического государства, уважение к правам меньшинств, политический и религиозный плюрализм и иные общедемократические черты будущей «*Новой Сирии*», уже в начале 2025 года члены его группировки и их союзники приступили к массовой резне шиитов и христиан на побережье Средиземного море, а также других частях Сирии (в частности, в Хомсе, Хаме, Дамаске и т.д.). Впрочем, случаи насилия в отношении представителей меньшинств страны не

прекращались с самого прихода к власти ХТШ, пусть и носили более-менее эпизодический характер до февраля 2025-го. Дело в том, что само идеологическое оформление пребывания христиан и других несуннитских конфессий при режиме аль-Шараа изначально имело важную особенность – еще с идлибских времен оперирования «новых властей», христиане в их конструкции общества пребывали в статусе *мустаминов* – чужеземцев, находящихся на «*мусульманской земле*» «*по делам*». Таковым чужеземцем по *аману* (т. е. – договору) было обеспечено право безопасного проживания, работы и, даже, некоторые экономические преференции, однако это – временный статус, и мусульманские власти в любое время имеют право потребовать от представителей названной категории покинуть свою территорию, либо принять ислам. Кроме того, *мустамины* не имеют возможности владеть недвижимостью и землей [2], что также делает положение меньшинств подвешенным еще и экономически. Надо отметить и тот факт, что указанный правовой статус в мусульманском законодательстве предусмотрен для «*людей книги*» – христиан и иудеев, что же касается шиитов, то их перспективы при салафитском режиме аль-Джулани были и остаются, мягко говоря, туманными.

Здесь необходимо отдельно обрисовать основные черты сирийского салафизма, на данный момент выигравшего гражданскую войну в стране, а также других идеологий, популярных в среде пришедших к власти противников Башара Асада. В настоящее время, помимо салафитов, в рядах сирийской оппозиции достаточно сильны, пусть и в гораздо в меньшей степени, еще два религиозно-политических течения: *суфийское* и *ихванитское* (т. е. – учение организации «*Братья-мусульмане*»). И если сирийский суфизм (исламский мистицизм, стремящийся к очищению души через психофизические практики) представляет собой, в основном, сельскую парадигму, все менее популярную среди широких масс верующих урбанизирующегося общества, то «*Братья-мусульмане*» – модернистский проект, вполне конкурировавший с салафитским на определенных этапах новейшей истории.

Салафитское направление в суннитском исламе стало развиваться с трудов ученого XIII в. Ибн-Теймийи и его ученика Ибн аль-Кайима (XIV в.). В его основу положена борьба с «*нововведениями*» в религии, появившимися после первых трех поколений мусульман (салафов). Это ведет к отрицанию салафитами практик (*зикров*, почитания могил шейхов, обращения к заступничеству последних перед Аллахом), музыки, живописи и др., вплоть до *такфира*, т. е. – причисления к «*кяфирам*» («*неверным*») мусульман, занимающихся вышеперечисленным. Из-за множества причин для *такфира* и частого применения салафитами данной практики в отношении мусульман, их также называют *такфиристами*. Помимо суфиев, кяфирами, немусульманами, в понимании салафитов, являются также шииты всех направлений, светские сунниты, а на деле – все мусульмане, не разделяющие в той или иной мере салафитских взглядов. Отдельный богословский маркер салафизма – буквализм в толковании Корана и других мусульманских источников (в частности, *хадисов* – историй из жизни пророка Мухаммеда), не приемлющий аллегорий и поэтических приемов в ходе их создания. Так, салафиты на полном серьезе считают, что у Аллаха есть «*лицо*», «*руки*», «*глаза*», а сам Всевышний «*сидит на троне*», т. к.

соответствующие термины и формулировки есть в Священной книге мусульман, хотя и понимаются большей частью богословов именно аллегорически, иносказательно. Значительной фигурой в истории салафизма стал арабийский богослов Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб, попытавшийся вместе с местным князьком Мухаммадом ас-Саудом создать в Аравии теократическое салафитское государство, на территории которого уничтожались суфии и суфийские места поклонения и подвергались гонениям другие мусульмане и немусульмане, не согласные с идеологией указанного тандема. По имени Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба салафитов часто называют *ваххабитами*. И, несмотря на стремление современных салафитов максимально дистанцироваться от этого, дискредитировавшего себя вследствие связанности с множеством терактов по всему миру, названия, вменяемо аргументировать свою непричастность к оному (например, откеститься от идей Абд аль-Ваххаба, по сути, не отличающихся от постулатов Ибн-Таймийи) у них не получается.

Салафизм в Сирии, хотя и известный там и ранее, но не имевший в стране глубоких корней [3, 11], стал расцветать в 90-е гг., на фоне идеологического кризиса светских арабских режимов с одной стороны, политического банкротства левых идеологий после краха СССР – с другой, и сложных социальных процессов в арабской республике – с третьей. Максимальную популярность салафитские идеи имели в провинциальных центрах страны [4,93], откуда стали стремительно вытеснять традиционный ислам, представленный, прежде всего, упомянутыми выше суфийскими братствами и в то время более-менее лояльный режиму Хафеза Асада.

К началу гражданской войны в Сирии большая часть вооруженной оппозиции и сочувствующих ей мусульман-суннитов были носителями салафитских идей. В политическом отношении это проявлялось в стремлении к построению непременно исламского государства после свержения светского режима Б. Асада. Единственным источником законодательства в таком государстве должно стать мусульманское религиозное право – шариат. При этом, идеи демократии, политического плюрализма, парламентаризма и иных демократических ценностей идеологами салафизма последовательно отвергались и отвергаются. Соответствующие заявления делались лидерами сформировавшихся в ходе сирийского конфликта салафитских группировок «*Ахрар аш-Шам*», «*Лива ат-Таухид*», «*Аль-Фарук аль-Исламийа*», «*Китаиб ал-Фарук*», «*Сукур аш-Шам*» и др. [4, 103].

Именно на салафитских идеях было возвращено как разгромленное к настоящему времени, но все еще присутствующее в Сирии «Исламское государство», так и публично, и, как нами представляется, временно перешедшая на более умеренные позиции «Хайат Тахрир аш-Шам».

Последняя группировка, возникшая как местный филиал «Аль-Каиды» в 2011 году, претерпела ряд этапов ребрендинга (в разные времена она включала в себя разные составляющие группы и называлась «*Джебхат ан-Нусра*», «*Джебхат Фатх аш-Шам*», и, соответственно, ХТШ). В 2017 г. присяга «Хайат Тахрир аш-Шам» Аль-Каиде была официально отменена ее до сих пор бессменным лидером Абу Мухаммедом аль-Джулани, и группа стала действовать самостоятельно. ХТШ даже арестовала ряд своих бывших членов, не признавших ее отделение от международной

террористической организации. Тем не менее, идеологически «Хайат Тахрир аш-Шам» изменилась сравнительно мало. Группировка до последнего времени декларировала целью построение исламского государства в Сирии, свержение режима Асада и изгнание иранских ополченцев [5]. Вместе с тем, несмотря на негласный консенсус сирийских исламистов об отказе от идеи построения мирового халифата, ранее транслируемой ИГ и «Аль-Каидой», намерения такого рода все еще проскальзывают в заявлениях лидеров ХТШ. К примеру, Аль-Джулани открыто заявлял: *«С этим духом... мы не только достигнем Дамаска, но, если позволит Аллах, Иерусалим будет ждать нашего прибытия»* [6].

Не отказалась ХТШ после «ребрендинга» и от террористических методов деятельности. В Идлибе, ее боевики, по данным проекта *Armed Conflict Location & Event Data (ACLEED)*, в среднем осуществляли, как минимум, по одному теракту в день [7]. Кроме того, аль-Джулани с соратниками приняли на своей территории международных террористов, планировавших акции в западных странах – Мухсина аль-Фадли, Абдул Мохсена, Абдуллу Ибрагима аль-Шариха и др. [8]. Все это дало основание для США, РФ и других стран и международных структур (к примеру, ООН), оставить ХТШ в числе террористических организаций даже после захвата ею власти в Сирии. Примечательно, что американские спецслужбы и аналитические центры последовательно настаивали и на том, что «Хайат Тахрир аш-Шам» на деле сохранила связи с «Аль-Каидой».

На данный момент ХТШ – главная салафитская сила в САР, однако вокруг нее объединились и другие группы той же идеологии. Это и входившая с группой аль-Джулани в один Сирийский исламский фронт «Ахрар аш-Шам», и ряд более мелких групп. Несмотря на официальную риторику, все салафитские группы имеют названные выше идеологические черты, не приемлют идей демократии и плюрализма и воспринимают любые умеренные действия лишь как временные уступки.

Третьей силой в антиасадовской коалиции Сирии являются «Братья-мусульмане» – «Ихван аль-муслимин». Это возникшее в 1928 году в Египте движение ставило своей целью обновление ислама и базировалось на трудах более ранних деятелей рубежа XIX и XX вв. – Джамал ад Дина аль-Афгани и Мухаммада Абдо. Обновлять религию планировалось путем возврата к ее истокам, основам, в чем позиция «братьев» была близка к салафитской. Они также достаточно жестко относятся к суфиям, шиитам и выступают за создание мирового исламского государства, управляемого на основе шариата [10]. Вместе с тем, их методы достижения целей мягче салафитских, а отношение к светскому государству и обществу и их институтам – заметно лояльнее. Эта гибкость позволила «Братьям-мусульманам» войти в политическую систему целого ряда мусульманских стран. В частности, в Сирии «братья» заседали в парламенте и, даже, делегировали своих членов в правительство в 50-е гг. XX в. [4, 108]. Несмотря на то, что после прихода к власти военного крыла партии БААС во главе с Хафезом Асадом «братья-мусульмане» оказались вне закона, практически всю вторую половину XX столетия основная часть пассионарной суннитской оппозиции Сирии была объединена вокруг данного движения. «Братья» сочетали агитацию и политическую борьбу с вооруженными

акциями, а в 1982 году между ними и правительством случилась настоящая война, в ходе которой ВС САР буквально штурмом взяли оплот *ихванов* город Хомс, уничтожив, по разным данным, от 3 до 40 тысяч человек[9, 430].

Однако на рубеже XX и XXI вв., несмотря на гибкость позиции «братьев», признающих партии, парламент и другие светские институты власти, их влияние на суннитские массы снизилось и, в основном, уступило место салафитскому. Частично этому способствовали смена поколений в сирийском сегменте движения, а также дискредитация в глазах радикальной мусульманской молодежи некоторых лидеров компромиссами с режимом Башара Асада в начале 2000-ых гг. Кроме того, на момент начала гражданской войны в Сирии руководство «Братьев-мусульман» оказалось расколотым, а его значительная часть, равно как и рядовых активистов, пребывала за границей. Вместе с тем, «братья-мусульмане» стали своеобразными посредниками между сирийскими мусульманскими радикалами и центром активности движения – Катаром. Именно в этой стране по сей день находится главный идеолог движения Юсуф аль-Кардави, однозначно поддержавший суннитскую оппозицию Б. Асаду, и именно оттуда вещает главный рупор «Братьев-мусульман» – международная телекомпания «Аль-Джазира».

«Братья-мусульмане» активно присутствовали в благотворительных и правозащитных организациях противников режима, были заметны в СМИ и медиаполе, а также в действовавших за границей органах оппозиции (к примеру, в образованной в катарской Дохе «*Национальной коалиции революционных и оппозиционных сил*»), но на полях битв отмечались сравнительно редко и, даже, не сформировали собственных крупных подразделений [4. 119]. Вместе с тем, идеи «Братьев-мусульман» разделяет палестинское движение «ХАМАС», члены которого участвовали в боевых действиях в Сирии на стороне противников Башара Асада. Кроме того, по взглядам к «братьям» близка Партия справедливости и развития Турции, которая также является активным участником боевых действий в САР – как косвенным, так и прямым.

Продолжая тему поддержки сирийской оппозиции извне, отметим, что «Братья-мусульмане» пользуются всемерным содействием Катара и Турции, которая, в свою очередь, поддерживает и некоторые светские и суфийские группы открыто пантюркистского и паносманского толка. Салафиты, в свою очередь, изначально ориентировались в финансовом отношении на Саудовскую Аравию, хотя со времен изоляции Идлиба им удалось стать также и протурецкой силой, потеснив «братьев-мусульман» еще и от финансовых потоков в силу своей более высокой боеспособности а, значит – перспективности для целей турецкой политики.

Мусульмане постсоветского пространства и их взгляды на события в Сирии

Мусульманская община России и шире – постсоветского пространства, – во многом напоминает ту картину, которую мы проследили в Сирии. В частности, большинство мусульман бывшего СССР, как и в Сирии – сунниты. Также, как и в САР,

по взглядам их можно условно разделить на тех же салафитов, ихванов и традиционалистов-суфиев. Вместе с тем, в ряде стран региона имеется и некоторое шиитское меньшинство (исмаилиты в Таджикистане, шииты иснаашариты – в России, Казахстане и Узбекистане). Также по всему региону присутствует христианский религиозный фактор.

Однако, религиозные, социальные и, тем более, политические реалии мусульманской уммы постсоветского пространства принципиально отличаются от сирийских. Несмотря на то, что мусульмане появились на территории российского Дербента еще в 7-ом веке, мусульманский фактор в РФ все-таки вторичен по сравнению с христианским. Вместе с тем, стремительное увеличение уммы страны за счет высокой рождаемости в мусульманских семьях с одной стороны, и миграции по преимуществу мусульман из стран Центральной Азии и Азербайджана, а также активность российских мусульман в СМИ и социальных сетях – с другой, делают ее роль все значительнее. Немаловажным фактором этой значительности являются и недавние конфликтные ситуации на Северном Кавказе, включая обе Чеченские войны, а также экономические ресурсы регионов Поволжья со многомиллионным мусульманским населением, прежде всего – Татарстана. Республики же Центральной Азии и вовсе имеют на своей территории в основном мусульманское население.

Общей чертой региона является повышение религиозной сознательности его мусульман, увеличение их знаний о религии, распространение религиозного образования, культуры и социальных факторов с начала 90-х гг. 20-го века и до сего дня.

Организационно ислам в РФ и других странах постсоветского пространства оформлен по примеру Российской империи [11, 109]. Территория проживания мусульман окормляется различными духовными управлениями, которые, в свою очередь, контролируют официальное мусульманское духовенство – имамов и мечети, где последние действуют. Возглавляют духовные управления муфтии. Однако официальное мусульманское духовенство рассматриваемого пространства сталкивается в настоящее время с серьезными вызовами, среди которых – недостаток квалифицированных кадров, столкновения и борьба между отдельными муфтиятами (к примеру, долгое противостояние Центрального духовного управления мусульман России под руководством муфтия, шейх уль-ислама Талгада Таджуддина и Духовного управления мусульман Российской Федерации и аффилированного с ним Совета муфтиев РФ во главе с Равилем Гайнутдином) и внутри их, а также снижение популярности официальных религиозных лидеров в пользу неофициальных, пропагандирующих опасные идеи политического ислама (салафитские, либо ихванистские). Причем, решая кадровые проблемы путем отправки молодежи на обучение за границу, российские духовные управления зачастую создавали себе дополнительные проблемы, т.к. из Саудовской Аравии, Сирии, Египта и других стран нередко возвращались не просто дипломированные специалисты в области богословия, занимавшие те или иные должности в мечетях или административном аппарате указанных организаций, но и «агенты влияния» экстремистских

группировок, активно проповедовавшие радикальные идеи, как своей пастве, так и всем желающим – через специальную литературу и интернет-ресурсы.

Наиболее наглядным примером подобного рода может считаться, пожалуй, самый известный российский ваххабит Саид Бурятский (Александр Тихомиров), отучившийся некоторой время в египетском Аль-Азхаре (хотя и не закончивший его), работавший в структурах Совета муфтиев России, после чего ставший главным пропагандистом салафитских боевиков группировки «Имарат Кавказ», ушедший с ними в леса и убитый в одном из столкновений с российскими силовиками [12].

Впрочем, в ряде регионов России официальное мусульманское духовенство подвергается еще и вполне реальной физической опасности. Достаточно вспомнить теракты, унесшие жизни заместителя муфтия Татарстана Валиуллы Якупова в 2012 г. [13] и муфтия Дагестана Сайидмухаммада Абубакарова в 1998 году [14]. В обоих случаях причинами преступлений стала антиваххабитская деятельность священнослужителей.

Именно ваххабизм (салафизм) является основной опасностью не только для традиционного ислама на постсоветском пространстве, но и угрозой стабильности и светскому характеру целых регионов и даже государств. К примеру, в Узбекистане присягнувшее на верность «Исламскому государству» ИДУ (Исламское движение Узбекистана) планировало присоединить республику к мировому халифату [15].

Проникновение данной идеологии в РФ и соседние с ней регионы началось еще в советские времена, в конце 1980-х гг., когда первые ваххабитские ячейки стали появляться в Таджикистане, Ферганской долине Узбекистана и Дагестане [16, 166]. На территории последнего распространение ваххабизма связывается с деятельностью богослова, проповедника и идеолога северокавказского бандподполья Багаутдина Кебедова. Примечательно, что сводный брат Багаутдина – Аббас Кебедов, также известный в ваххабитской среде, позже заседал в Общественной палате Дагестана будучи членом Комиссии по возвращению бывших боевиков незаконных вооруженных формирований к мирной жизни. Оба брата учились на Ближнем Востоке, еще с советских времен имели контакты с саудовскими религиозными центрами и мусульманскими организациями ОАЭ, а затем Багаутдин Кебедов создал ряд салафитских организаций в Дагестане. Проповедник поддержал действия чеченских сепаратистов в ходе Первой и Второй чеченских войн, а с начала 2000-х гг. выехал в Турцию, где скрывается и по сей день.

Особенностью ваххабизма на постсоветском пространстве является, с одной стороны, его непризнание светских властей, традиционных муфтиятов, антихристианская и антишиитская риторика в сочетании с работой многих ваххабитов в указанных муфтиятах и использование их ресурсов для продвижения салафитских идей и методов.

В основном, ваххабизм в РФ в настоящее время распространен на Северном Кавказе и в Поволжье, а также в мегаполисах со значительным мусульманским меньшинством. По мнению некоторых специалистов, данная идеология успешнее распространяется среди приверженцев ханафитского, наиболее распространенного на территории РФ суннитского мазхаба (религиозно-правовой школы), чем среди

шафийтского (также имеющего своих последователей – в основном в Дагестане). Данная точка зрения является спорной, т. к. в салафизм массово переходят представители разных мазхабов.

«Секрет» распространение ваххабитских идей на территории постсоветского пространства прост – низкий уровень религиозного образования и знания религии вообще, деградация светского образования, значительное число проповедников ваххабизма, получивших образование за границей, наличие ваххабитских учебных заведений в самой РФ (к примеру, долгое время действовало медресе в г. Альметьевск), лояльное отношение к ваххабизму некоторых «традиционных» муфтиев. Большинство мусульман Советского Союза, где религия была однозначно отделена от государства, культуры и образования, на самом деле не исповедовали свою религию по-настоящему, крайне мало о ней знали. Неудивительно, что после крушения СССР и по мере проникновения на его территорию различных, в том числе – и экстремистских, религиозных идей и на фоне постсоветской деидеологизации и тотального понижения уровня обучения в школах и ВУЗах, у дезориентированных мусульман зачастую просто не было идеологической «прививки» от ваххабизма.

Примечательно и то, что российские правоохранительные органы далеко не сразу стали реагировать на ваххабитскую пропаганду и практическую деятельность салафитских ячеек. К примеру, в РФ приступили к закрытию ваххабитских фондов «Аль-Игаса», «Аль-Харамейн» и др. лишь в конце 90-х гг. 20-го столетия, а «Книга единобожия» Мухаммада ибн аль-Ваххаба оказалась признанной экстремистской лишь в 2004 г. [16, 168].

Близкой по воззрениям к ваххабитам является также запрещенная в РФ и Центральной Азии организация «Хизб ут-Тахрир», выступающая за построение мирового халифата (и даже имеющая своего «халифа»), но действующая более мягкими методами. «Хизбы» также стали появляться на постсоветском пространстве с начала 90-х гг.

В то же время на постсоветском пространстве стало активно действовать движение «Нурджуллар», основанное на идеях турецкого богослова Саида Нурси [17, 49], которое было запрещено в РФ в 2008 году.

Если говорить о протурецких организациях в РФ, то они старались оперировать как в сфере, якобы, «традиционного», суфийского ислама, так и среди салафитов. Таких, как упомянутая «Нурджуллар», так и вышедшая из нее группа последователей опального турецкого богослова и политика Фетхуллага Гюлена «Фетхуллагчилар». Последняя, к примеру, официально ориентируется на 3 направления – ортодоксальный суннитский ислам, суфийская традиция накшбандийского тариката и произведения Саида Нурси [17, 50]. Лишь в 2012 г. книги Гюлена стали запрещать в РФ, а его последователями заинтересовались правоохранительные органы. Более того, нурсисты и гюленисты стремились не только к чисто религиозной пропаганде своих идей, но и проявляли активность в образовательной сфере через сеть турецких лицеев, действовавших по всей территории бывшего СССР.

Как саудовские, так и турецкие центры распространения экстремистских идей в России и других странах постсоветского пространства располагают серьезными

финансовыми ресурсами, на которые развиваются благотворительность, работа интернет-ресурсов, религиозные уроки, исламское предпринимательство и банкинг, а также другие сферы. Гюленисты, к примеру, используют экономические ресурсы Турецкой конфедерации предпринимателей и промышленников TUSKON [18].

Центром суфизма на постсоветском пространстве является Северный Кавказ, где местные муфтияты ориентируются на данное направление суннитского ислама. Прежде всего, это тарикаты *накибандия*, *шазилия* и *кадирия*, распространенные в Дагестане, Чечне и Ингушетии. Есть последователи суфизма и в Поволжье, в основном в Татарстане, а также в республиках Центральной Азии. Единственный общероссийский муфтият, который открыто пропагандирует суфизм и заявляет о связях с ним – это Духовное собрание мусульман Российской Федерации под руководством муфтия Альбира Крганова [19].

В российском мусульманском сообществе очень явно проходит разделение на «отцов и детей», т. к. радикальные настроения проникают в основном в его молодежную среду, накладываясь, помимо чисто идеологических моментов, на социальные и психологические проблемы, свойственные молодым людям. Отдельным и сложным сегментом российской уммы являются трудовые мигранты из стран Центральной Азии. Многие из них попадают в РФ, будучи изначально проводниками салафитских идей, идеологии «Хизб ут-Тахрир» и др. Власти центральноазиатских республик зачастую способствуют оттоку такого радикально настроенного элемента за границу. Другие, попадая в Россию без прочных знаний о религии, по-настоящему знакомятся с ней на ее территории, причем зачастую, опять же, делают это не у традиционного местного духовенства, а у радикалов. В последние годы российские силовики вскрывали десятки подпольных молельных домов и общин, в которых не только проповедовался салафизм и иные экстремистские течения ислама, но и находилось оружие, взрывчатые вещества и иные военные атрибуты [20]. Значительной, а иногда преобладающей частью прихожан данных учреждений являлись центральноазиатские трудовые мигранты. Стоит напомнить и то, что именно уроженцы Таджикистана были осуждены по делу о самом крупном теракте на территории России последнего времени – нападении на ТРЦ «Крокус-Сити» в Москве [21].

Как и в Сирии, в России салафиты и другие экстремисты зачастую получают поддержку медийных персон и, даже, некоторых политиков, что затрудняет борьбу с данным течением. К примеру, явным лоббистом салафитских идей долгое время был называвший себя шиитом русско-азербайджанский философ Гейдар Джемаль. Ваххабизм, по его мнению, был эгалитаристской тенденцией в исламской мысли, стремлением к уничтожению клановости и сословности и движением к достижению социальной справедливости, а экстремистские проявления он называл попыткой мусульманского сообщества явить из своих рядов людей воинской психологической и ментальной ориентации, которые должны составить костяк будущего правящего класса в исламской умме [22, 93].

Говоря о противостоянии суфиев и салафитов в Дагестане, своеобразную точку зрения высказывал кавказовед С. Маркедонов, отмечая, что салафиты предлагают

такую модель ислама, в которой нет места кланам, тейпам, *вирдам*, этничности, что может восприниматься как универсальный проект для полиэтнического и поликонфессионального Дагестана[23].

Ряд ученых и госчиновников также высказывались за изучение и использование салафитского опыта органами власти и традиционным духовенством. К чертам, заслуживающим внимания, в разное время относили рационализм и доступность ваххабизма, его проповедь равенства и социальной справедливости [24, 234].

В Дагестане с 2010-ых гг. проявилась тенденция на диалог с салафитами и поиск с ними взаимопонимания в рамках Совета республиканского гражданского диалога «Путь к миру и согласию». Ваххабиты, как упомянутый выше Аббас Кебедев, заняли на территории республики ряд постов в консультативных органах [24, 243]. Последние зачастую довольно своеобразно понимали примирение традиционного ислама с салафитским – через усиление пропаганды религиозных ценностей среди населения. Представляется, что это открыло путь к еще большей исламизации и радикализации населения, появлению у «примиренных» подобного рода мерами мусульман общего врага, которым зачастую становилось светское государство, его органы власти, другие религии и конфессии и т. д.

Имам Центральной джума-мечети Махачкалы и глава Совета имамов Махачкалы Магомедрасул Саадиев, к примеру, открыто требовал в 2010 г. повысить уровень религиозного сознания молодежи, допустить религию в светские высшие учебные заведения и отказаться от светского характера Дагестана, признав его мусульманской республикой [24, 242].

«Братья-мусульмане» на постсоветском пространстве, как и в Сирии, – движение куда более малочисленное и маргинальное. В основном, его сторонники попадали в регион через египетский «Аль-Азхар», а также деятельность катарских фондов и организаций. До конца 2000-х гг. в стране открыто распространялась литература «братства», а книга рупора движения, катарского шейха Аль-Кардави «Дозволенное и запретное в исламе» свободно продавалось не только в столичных, но и провинциальных книжных магазинах. В 2010-е гг. в РФ начала работать центр «Аль-Васатыйа», распространявший идеи Юсуфа Кардави. Помимо катарского богослова, идеи Аль-Васатыйа – завуалированный вариант учения «Братьев-мусульман», – открыто проповедовал директор указанного центра в РФ Али (Вячеслав) Полосин и, к примеру, антироссийски настроенный украинский муфтий Сергей Исмагилов.

Шиитская часть мусульманской уммы постсоветского пространства компактно проживает в Азербайджане (иснаашариты) и Таджикистане (живущие в Горно-Бадахшанской области исмаилиты). В РФ и других странах это в основном представители азербайджанских общин. Для последних характерен относительно низкий уровень религиозного сознания и грамотности. Вместе с тем, значительную и очень заметную часть шиитской интеллигенции в РФ и других странах составляют неофиты – к примеру, переводчик второй по значимости после Корана в шиизме книги «Нахдж аль-Балага», петербургский богослов и философ Тарас Черниенко, богослов и путешественник Антон Веснин и др. В отличие от салафитов или протурецких псевдотрадиционалистов, шииты вполне лояльны российским властям,

не требуют свержения светского правительства в принципе, считая, что данный вопрос может быть актуальным в постсоветских реалиях лишь после второго пришествия Имама Махди и достижения верующими мусульманами соответствующего духовно-нравственного уровня. Основная масса шиитов постсоветского пространства ориентируются на фетвы (религиозно-правовые заключения) иракского Великого аятоллы Али Систани, либо лидера Ирана аятоллы Али Хаменеи.

В целом российская мусульманская община, несмотря на лояльность основной и подавляющей ее части политике властей (среди российских мусульман не было сколько-нибудь заметных протестных политических выступлений), изобилует различными конфессиями, течениями и взглядами, отношение представителей которых друг к другу варьирует от религиозных дискуссий до открытого признания в неверии и, даже, вооруженного противостояния в некоторых регионах. Аналогично выглядит ситуация и в республиках Центральной Азии.

Российская мусульманская умма и «революция» в Сирии

Все указанные противоречия проявились в отношении мусульман РФ и прилегающих к ней регионов к событиям в Сирии, где российская власть оказывала помощь светскому правительству Башара Асада, которое в глазах мусульман-суннитов воспринимается как «алавитское». Мало того, что многие мусульмане, как сирийские, так и российские, в принципе скептически относятся к подчинению светской власти и светским законам в преимущественно мусульманской (суннитской) республике, им претит подчинение представителям шиитской конфессии, которую ряд религиозных деятелей и их последователи попросту не считают мусульманской.

Однако необходимо разделять два аспекта отношения сообщества к данной проблеме.

Во-первых: отношение к исламскому правлению на основе шариата и построению халифата в принципе. Этого, так или иначе, хотят все верующие мусульмане-сунниты, однако в основном речь идет о некоем гипотетическом времени, ближе к «концу света» и т. д.

Во-вторых, отношение мусульман непосредственно к экстремистским группировкам Сирии – «Исламскому государству», «Хайат Тахрир аш-Шам» и др. И здесь массовой поддержки указанным движениям продемонстрировано не было ни в одной из стран бывшего СССР. Общее число уехавших в Сирию российских мусульман, к примеру, не превышает 5000 человек, что является крайне незначительной частью 20-миллионной российской уммы.

Если же говорить непосредственно о настроениях, то, согласно опросу 2015 г., проведенному *BAIKAL Communications Group* в сотрудничестве с Кавказским геополитическим клубом, 52% жителей Дагестана поддерживали российскую военную операцию в Сирии и лишь 14% не поддерживали [25, 48]. Причем непосредственно темой сирийского салафизма и «Исламского государства» интересовалось лишь 2% опрошенных.

Вместе с тем, согласно тому же опросу, не менее трети его участников заявили об актуальности шиитско-суннитских противоречий не только для Сирии, но и для мусульманского сообщества России [25, 49].

Исследование ВЦИОМ среди 3000 жителей Дагестана, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Чечни и Северной Осетии в том же 2015 году выявило 50% поддерживающих российскую операцию в САР, при 30% относящихся к ней отрицательно [25, 49]. При этом, в Ингушетии количество недовольных составило 64% опрошенных, при 29% настроенных положительно, а в Чечне эти показатели составили, соответственно, 29 и 16%.

Впрочем, надо отметить тот факт, что исследование было заказано Центром стратегических исследований религии и политики современного мира, руководимым журналистом Максимом Шевченко, известным своим лояльным отношением к разного рода проявлениям мусульманского радикализма.

Фетвы в поддержку позиции Москвы в Сирии в разное время издавали Духовное управление мусульман Северной Осетии-Алании, Духовное управление Чеченской Республики, ДУМ РФ, ДУМ Республики Дагестан, Духовное собрание мусульман РФ, Центральное духовное управление мусульман России и др.

В целом, несмотря на некоторые алармистские сценарии о проблемах российских властей с контролем мусульманской уммы страны (к примеру, исследование А. Малашенко, опубликованное «Фондом Карнеги» [26]), российские власти адекватно отслеживали и без особых проблем контролировали настроения своих граждан, исповедующих ислам. Похожей оказалась ситуация и в Центральной Азии, где было отмечено несколько тысяч уехавших в Сирию граждан. Зачастую фактор отъезда в РФ и других государствах старались использовать для снижения радикализма в собственных мусульманских сообществах, т. к. в САР выезжали наиболее мотивированные граждане в основном салафитских взглядов, которые представляли собой постоянную опасность на Родине [27].

Примечателен тот факт, что достаточно много мусульман, лояльных сирийским салафитам и их соратникам с одной стороны и оппозиционным властям РФ – с другой, обосновались на территории Украины. Там проживали и проживают как бывшие участники чеченского сопротивления российским войскам, так и некоторые граждане, признанные экстремистами в РФ по иным причинам. К примеру, перед эмиграцией в Европу на Украине нашли пристанище некоторые бывшие члены «Национальной организации русских мусульман». Кроме того, на украинской земле легально действует упомянутая выше группировка «Хизб ут-Тахрир», члены которой, ранее действовавшие в соседних странах, вынуждены были выехать из них после начала уголовного преследования [28]. Имеются сведения об участии украинских мусульман в боевых действиях в Сирии на стороне оппозиционных Башару Асаду сирийских группировок, однако число таковых незначительно.

Здесь же можно отметить и мусульман, уехавших из РФ и других постсоветских стран в страны дальнего зарубежья. Это отдельная категория, которая чисто технически уже не относится к своим прежним соотечественникам, однако продолжает отслеживать ситуацию на пространствах бывшего СССР, поддерживать

общение с оставшимися единоверцами и проявлять активность в СМИ и социальных сетях на русском языке.

Наиболее активная часть данного сообщества обосновалась в Турции, имеет подчеркнута антироссийские взгляды и крайне лояльна суннитским группировкам Сирии. Именно русскоязычные мусульманские мигранты, проживающие на территории Турции, часто становились посредниками в рекрутировании и доставке единоверцев с постсоветского пространства на фронты САР. И именно Турция стала перевалочным пунктом для попадания в ряды ИГ, ХТШ, «Сирийской свободной армии» и других групп Сирии, воевавших против президента Башара Асада как уроженцев российского Северного Кавказа, так и представителей Центральной Азии, и даже, уйгуров, ехавших туда и из бывшей советской Центральной Азии, и напрямую из китайского Синьцзян-Уйгурского автономного округа.

Многое переменялось в конце 2024 года, когда коалиция оппозиционных Башару Асаду, в основном, салафитских группировок захватила власть в Дамаске. С одной стороны, это стало негативным фактором для официальной Москвы, поддерживавшей свергнутый режим и его лидера. С другой – имевшиеся противоречия в российской мусульманской умме получили шанс в значительной части быть погашенными в случае установления РФ вменяемого формата взаимодействия с новыми сирийскими властями.

Более того, именно наличие в умме РФ подавляющего суннитского большинства сразу было воспринято в Москве как фактор налаживания мостов. Так, один из самых популярных российских политиков-мусульман, глава Чечни Рамзан Кадыров призвал власти России исключить «Хайат Тахрир аш-Шам» из списка террористических организаций, подобно тому, как это было сделано с движением «Талибан» [29, 2190].

Данный призыв чеченский глава увязал с необходимостью «спутать планы Запада» по дестабилизации российско-сирийских отношений, а также с необходимостью для РФ содействовать нормализации жизни простых сирийцев. Подобное решение Р. Кадыров назвал общемировой практикой и предложил для конкретных шагов по построению взаимодействия с новыми властями Сирии задействовать чеченцев, долгое время живущих и работающих в арабской республике.

Чечня и ее лидер налаживали взаимодействие с Сирией и в период правления там Башара Асада – во время операции в стране российских ВКС. Сам Рамзан Кадыров, а также муфтий Чечни Салах Межиев активно взаимодействовали с сирийскими общественными и религиозными деятелями – прежде всего суннитскими. Такого рода мероприятия были важны для улучшения имиджа России именно среди суннитского большинства населения этой страны, в условиях военной помощи Москвы «алавитскому режиму» и ориентации РФ на сирийских христиан.

Чеченский фонд имени Ахмата Кадырова возил в САР продовольствие, помогал сирийским беженцам в Ливане, и даже инициировал проект по строительству медицинского центра для беженцев [30].

Сирию посещали упомянутый выше муфтий Межиев, сенатор от ЧР Адам Делимханов и, даже, сам Рамзан Кадыров (в 2018 г.). Сирийские ученые, в свою очередь, посещали Грозный и другие города Северного Кавказа, участвуя в различных

конференциях и форумах, а в ВУЗах Чеченской Республики обучалось настолько много сирийцев, что в Грозном даже открылся «Союз учащихся Сирийской Арабской Республики». Имелись даже планы открытия в столице Чечни кампуса Дамасского университета, на данный момент, разумеется, более не актуальные.

В Хомсе, Алеппо и других городах несли службу военные полицейские из Чечни и Ингушетии, которые, помимо непосредственных обязанностей, занимались также раздачей благотворительных посылок со своей малой родины, помогали беженцам, детским домам и приютам. Отдельно стоит коснуться работы Р. Кадырова по репатриации северокавказских детей, вывезенных родителями в Сирию, на территории, подконтрольные салафитским боевикам.

Более того, в Сирии имеется и собственная небольшая чеченская диаспора. Один из ее членов, родившийся в Алеппо чеченец Зияд Сабсаби, стал личным представителем Рамзана Кадырова в арабской республике, активно включившись в работу своего начальника.

Все эти мероприятия достигли своей цели, и тот факт, что новый президент Сирии аль-Джулани проявлял очевидный интерес к взаимодействию с РФ, во многом является их следствием. Вместе с тем, не стоит переоценивать роль и популярность российских суннитских деятелей среди сирийских суннитов, захвативших, на данный момент, власть в САР. Если Кадыров, его подчиненные и коллеги – яркие представители суфийского направления ислама, сунниты-традиционалисты, то ХТШ и союзные ей группировки – салафиты, и их взаимодействие с суфиями с религиозной точки зрения возможно, но это, представляется, еще более краткосрочная история, нежели с христианами или алавитами. Подобно последним, суфии для салафитов – в лучшем случае, *фасики* («нарушающие религиозные нормы и предписания»), нечестивцы, заблудшие, а в худшем – и вовсе кяфиры, немусульмане.

Что же касается настроений среди рядовых российских мусульман, то победа исламистов в Сирии вдохновила значительную часть мусульманской общественности РФ. Прежде всего, речь идет, конечно, о молодежи. Анализируя ситуацию в социальных сетях, можно сделать достаточно очевидный вывод о популярности в российской мусульманской умме идей политического ислама в его современной сирийской версии. Отдельно стоит отметить упомянутую выше ее мигрантскую составляющую. Целый ряд спикеров и пропагандистов ХТШ, а ранее и «Исламского государства», целенаправленно работали на аудиторию проживающих в РФ трудовых мигрантов, выкладывая контент в социальных сетях и телеграмм-каналах, как на русском, так и узбекском и таджикском языках. Самым известным таким пропагандистом является уроженец Таджикистана Фарук Шами, не только открыто призывавший мусульман постсоветского пространства к отправке в Сирию, но и содействовавший их отправке технически, через свои медиаресурсы [31].

Примечательно, что Шами не скрывал намерения уничтожить российское государство в его действующем формате, из-за чего поддерживал не только сопротивление и прямой терроризм на территории РФ, но и, например, действия вооруженных сил Украины против российской армии.

Руководители Украины, в свою очередь, активно искали и ищут взаимодействия с сирийскими исламистами, которые не против активизации связей и контактов. Стоит напомнить, что сразу же после захвата власти боевиками аль-Джулани в Дамаске, украинские флаги появились, к примеру, у входа в российское посольство.

Что же касается проукраинских настроений в российской мусульманской умме, то они также имеют место быть, иногда приобретая причудливое внешнее выражение. К примеру, работавший ранее в Москве парикмахер Алмаз Кудабек уулу, не только отправился воевать на стороне ВСУ, но и пытался сформировать целый тюркский батальон «Туран», куда вошло несколько азербайджанцев и представителей народов Центральной Азии, Дагестана и Поволжья [32]. Упомянутые выше украинские чеченцы действуют в составе батальона имени шейха Мансура. Кроме того, имеется информация об «Исламском» легионе, куда также попадают мусульмане РФ и соседних с ней государств. Несмотря на то, что указанные подразделения немногочисленны и маргинальны даже в составе ВСУ, их медийная активность значительна. Она направлена, в основном, на российских мусульман и, несомненно, имеет среди них определенный резонанс.

Особенно примечательным является и тот факт, что после начала массовых репрессий в отношении шиитского и христианского меньшинств на Средиземноморском побережье и в других регионах Сирии (Алеппо, Хомс), нашлись российские мусульмане, которые эти расправы поддержали. Автор данного материала имел целый ряд дискуссий с подобными персонажами, проживающими в Москве и других мегаполисах РФ. Не менее интересна и лояльность к исламистскому режиму САР и его акциям в преимущественно шиитском Азербайджане. Причиной тому является ориентация азербайджанского общества, в т. ч. и шиитской его части, на Турцию, а также стремительная суннизация населения данной республики. Причем, если часть азербайджанцев становятся суннитами по турецкому образцу, обращаясь к условно традиционному суннитскому исламу ханафитского мазхаба, то другие избирают для себя салафитскую идеологию.

Еще в начале боевых действий в Сирии в рядах исламистских боевиков оказалось неожиданно большое число азербайджанцев, а исламоведы и политологи к середине 2010-х гг. буквально били тревогу в связи с салафитизацией азербайджанского общества.

И если антиармянская истерия, связанная с войной 2020 г. и ее последствиями в некотором смысле консолидировала азербайджанское общество, погасив в нем, в том числе, шиитско-суннитские противоречия, то послевоенное успокоение и импульс, который придаст мировому исламу и, в частности, его азербайджанской составляющей победа ХТШ в Сирии, еще создадут Баку проблемы. Это понимает и руководство Азербайджана, и его меры по дальнейшему поддержанию антиармянских настроений, конфликтных взаимоотношений с Республикой Армения и давлению на нее, помимо прагматических политических оснований имеют своей целью и максимально долгое поддержание консолидации общества на основе наличия общего врага – Армении и армян.

В некотором роде показателем относительной лояльности суннитов бывшего СССР новым властям Сирии и их положительного восприятия не только захвата ими власти в стране, но и последовавших затем репрессивных мер в отношении меньшинств, является реакция на эти события официального, «традиционного» духовенства. Так, официальное мусульманское духовенство РФ и других стран постсоветского пространства в основном промолчало в связи с начавшейся в марте 2025 г. резней алавитов и христиан в Латакии, Тартусе и других городах и регионах.

Едва ли не единственным крупным мусульманским деятелем России, открыто выступившим против фактического геноцида на средиземноморском побережье, стал муфтий Волгоградской области Мохамад Кифах Бата. Он открыто использовал в своем заявлении о событиях в Сирии термин «*геноцид*», а ХТШ и связанные с ней группировки назвал «*террористами*», а также признал количество убитых сирийских христиан и шиитов в 10 тысяч человек [33].

Надо отметить, что Мохамад Кифах Бата подчиняется Центральному Духовному управлению мусульман России, известному своей государственнической позицией и лояльностью российским властям. При этом, конкурент ЦДУМ, ДУМ РФ на своих ресурсах, наоборот, транслировал точку зрения новых властей САР и, конкретно, ХТШ.

Так, заместитель муфтия Ставропольского края от ДУМ РФ Шахабуддин Гусейнов, ранее поддерживавший приход аль-Джулани к власти, заявлял о непричастности сирийских властей к происходящему на побережье [34]. Официальное же заявление самого ДУМ РФ содержало нейтральный призыв к отказу от насилия и преодолению раскола сирийского общества [35].

Более того, волгоградский муфтий после его резонансного заявления, был буквально атакован в разных социальных сетях не только критикой и оскорблениями, но и призывами к расправе. Причем, среди призывающих имелись не только и не столько безымянные аккаунты, но и, например, член ДУМ РФ, казанский врач Мухаммед Курбанов.

Впрочем, победа ХТШ в Сирии и безнаказанность нового дамасского режима вдохновляли российских, и не только, исламских радикалов и до событий на побережье. К примеру, в феврале 2025 г. в интернет попал ролик с намазом мусульманина в вологодском храме Николая Чудотворца. Провокацией данную акцию назвал целый ряд российских журналистов, общественных деятелей, представителей духовенства. В то же время, муфтий Москвы Ильдар Аляутдинов (зам. Председателя ДУМ РФ) вступился за молившегося [36].

В феврале же под эгидой ДУМ РФ прошла конференция «Россия–Турция: новые перспективы сотрудничества», призванная развивать бизнес, основанный на религиозной базе. Конец же прошлого года отметился скандалом с фетвой о многоженстве, которую издало Духовное управление. И, хотя, богословское заключение пришлось в итоге отменить, резонанс среди мусульманской и околумусульманской общественности оно получило значительный [37].

Российская мусульманская иммиграция и события в Сирии

Реакцию на победу ХТШ в САР среди российской мусульманской миграции и лиц, связанных с ней, оказалась ожидаемо благожелательной. Это тем менее удивительно, что идеологически большинство медийных деятелей этой эмиграции были так или иначе близки сирийским исламистам, а некоторые, и вовсе, способствовали сирийскому «джихаду» технически, помогая, в частности, отправке добровольцев в ряды ХТШ и ее союзников.

Тем не менее, условно российская мусульманская иммиграция может быть разделена на 3 группы. Во-первых, это салафиты (в основном – уроженцы Северного Кавказа, в меньшей степени – татары Поволжья и совсем эпизодически – русские неофиты. Помимо, собственно салафитов, к этой группе можно отнести членов «Хизб ут-Тахрир» и некоторых других группировок). Во-вторых – протурецкие мусульмане-традиционалисты (татары, бывшие члены Национальной организации русских мусульман НОРМ). В-третьих – относительно светская часть (в основном аполитичная, но, к примеру, светские чеченские эмигранты составляют основу структур республики Ичкерия в изгнании – в т. ч. и военных. Кроме того, светские мусульманские эмигранты составляют организации, входящие в Форум свободных народов России).

Все три группы, как уже было отмечено выше, «революцию» в Сирии приняли. При этом, все они связывают события на Ближнем Востоке с будущими возможностями исламизации России и, даже, разрушением данного государства. В меньшей степени такого рода стремления переносятся и на другие страны – в частности, республики Центральной Азии и на Армению. Последняя оказывается объектом претензий, прежде всего, бывших российских исламистов, проживающих в Турции. Надо сказать, что именно турецкая земля дала пристанище основной массе подобного рода эмигрантов каждой из трех групп, хотя многие из них обитают на Украине, и совсем незначительное количество – в Европе и, даже, США. В числе последних может быть назван татарский общественный деятель, сепаратист Рафис Кашапов, получивший политическое убежище в Великобритании и входящий в координационный совет Форума свободных народов России.

Youtube-проект *Poistine*, координатором которого является проживающий в Турции Руслан Айсин, выпустил целый ряд не только антироссийских, но и антиармянских программ, интервью и аналитических бесед. Примечательно, что постоянным спикером *Poistine* выступает известный азербайджанский пропагандист Ризван Гусейнов. Он и другие гости канала не только крайне высоко оценивают перспективы режима аль-Джулани в САР, но и считают следующим объектом экспансии Турции т. н. «Зангезурский коридор» и Армению в целом, а также и Иран [38]. Таким образом, данный проект и его аудитория отстаивают не только исламистские, но и пантюркистские взгляды (в целом ряде программ обсуждается идея «Великого Турана»), транслируя, прежде всего, протурецкие нарративы.

Если принадлежность и, даже, косвенная причастность к организациям вроде «Исламского государства» или «Имарата Кавказ» отпугивает большинство даже

мусульманских эмигрантов из РФ и стран постсоветского пространства, то протурецкие инициативы, наоборот, способны консолидировать всех этих людей, общими чертами которых являются как ненависть к РФ в ее нынешнем виде, так и лояльность Турции. В этой связи восприятие событий в САР сквозь призму интересов Турции и концепций пантюркизма, паносманизма или панисламизма носит однозначно антироссийский характер. С одной стороны, это гарантированно выводит разделяющих данные концепции на разных уровнях мусульман из российского правового поля, делает их выбор эмиграции окончательным, а перспективы возвращения на Родину – крайне сложными. С другой стороны, развитие интернета и социальных сетей дает возможность мусульманским эмигрантам поддерживать связь с оставшимися в России родственниками, друзьями и единомышленниками, а также распространять и пропагандировать указанные нарративы. Неслучайно значительное внимание эмигрантских журналистов, блогеров, политологов приковано к событиям в российской мусульманской умме, проблемы которой стремятся максимально актуализировать, а недовольство – разжечь.

Социально-политические и идеологические перспективы мусульманской уммы постсоветского пространства в свете событий в Сирии

К настоящему моменту нельзя говорить о сколько-нибудь массовой готовности постсоветских мусульман не только реализовывать «сирийский сценарий», но и каким-либо образом давить на свои власти. Демарши сотрудников ДУМ РФ, а также низовые инициативы отдельных людей здесь не могут быть всерьез приняты в расчет – сейчас речь идет лишь об отдельных случаях.

Кроме того, несмотря на просуннитскую риторику и демократические обещания новых властей Сирии, их методы и репутация все еще противоречивы, а отношение к ним в среде по большей части светских мусульман России и прилегающих регионов – настороженное. Немаловажно и то, что события в САР, как и ранее, воспринимаются как нечто далекое и не затрагивающее напрямую судьбы россиян и их соседей любого вероисповедания.

Тем не менее, определенную тревогу названные выше социально-политические и идеологические тенденции, все же, вызывают.

Победа исламистов и протурецких группировок в Сирии уже вдохновляет многих, а в перспективе может вдохновить еще больше местных мусульманских радикалов, оставшихся на постсоветском пространстве. Популярность «победивших», либо «обеспечивших победу» в «джихаде» экстремистских идей способно возрасти, равно, как и число их сторонников. Отдельным опасным обстоятельством здесь следует считать возвращение сражавшихся на стороне ХТШ и других группировок радикалов на Родину. Очевидно, что такие лица, имеющие боевой опыт, организационную спаянность и идеологический фундамент, смогут при желании и расторопности их сирийских и, шире – турецких, кураторов создать уже вполне действующие исламистские боевые ячейки, вести пропаганду среди широких масс мусульман, и в

будущем создать условия для появления в РФ и других странах салафитских анклавов, не просто живущих по своим законам, но и готовых, в случае необходимости, защищать свой подобный жизненный уклад.

К сожалению, прецеденты подобного рода уже существовали едва ли не в каждой стране постсоветского пространства: в России, Таджикистане и Узбекистане исламисты воевали против правительственных войск с оружием в руках, в Кыргызстане – контролировали значительные территории *де-факто*. Вместе с тем, учитывая процессы глобализации, урбанизации и огромные объемы и темпы трудовой миграции, исламизм из окраинного, в значительной части сельского, провинциального явления 90-х гг. 20-го века превращается в городской и все более массовый, перемещающийся в столицы и мегаполисы. Это обстоятельство, в свою очередь, поставит в опасность не просто общественную стабильность, но и весь привычный формат существования постсоветских стран: их внутреннюю и внешнюю политику, социальные инициативы и, даже, сам их светский характер.

Именно к этому призывал в своих трудах единомышленники, к примеру, Гейдар Джемаль, называя мусульманских мигрантов «*новым пролетариатом*», расценивая их как социальную базу новой, исламской, революции. Эта революция, по мнению Джемалья и его единомышленников, должна иметь мировой характер, закончившись созданием мировой мусульманской общины, владеющей всем Земным шаром. Данные идеи вполне соответствуют тому, что пропагандировало «Исламское государство», «Аль-Каида» и «Хайат Тахрир аш-Шам». И если последняя пока публично отказалась от экспансионистских планов, не имея на них ни сил, ни ресурсов, то сторонники оных, как в Сирии, так и за ее пределами, никуда не делись. Именно на них опираются и будут опираться не только местные, но и глобальные мировые игроки.

В то время как в России, где мусульмане, хотя и значительное, но все еще меньшинство, указанные эти факторы в действительности способны лишь дестабилизировать обстановку, то республики Центральной Азии, практически полностью мусульманские, рискуют гораздо большим. Впрочем, отдельные регионы РФ, в частности, автономии Северного Кавказа, ранее имевшие прецеденты насильственной исламизации и шариатизации, также могут стать ареной борьбы за глобальный халифат, либо локальный вариант исламского государства во всех смыслах этого термина.

Очевидно, что избежать данного сценария на постсоветском пространстве возможно. Особенно предпочтительно начать профилактические меры сейчас, когда речь идет лишь о робких предпосылках грядущих в будущем опасных процессов. Как нам представляется, купировать экспорт сирийской «исламской революции» можно комплексом инициатив, среди которых:

- Тщательная фильтрация возвращающихся из Сирии граждан посредством работы оперативников, психологов, социальных работников и др.

- Повышение внимания правоохранительных органов к действиям лиц и организаций, лояльных экстремистским идеям, а также связанных с центрами их распространения.

- Максимальное давление на сирийские власти в целях с целью прекращения репрессий и преследований религиозных меньшинств.

- Активная совместная работа спецслужб разных стран постсоветского пространства в целях контроля миграционных потоков.

- Более взвешенная внешняя политика в отношении Турции и других центров распространения опасных исламистских идей (КСА, Катар).

- Укрепление связей со светскими и иными государствами Евразии, противостоящими не только исламу, но и пантюркизму и другим радикальным идеологиям – Арменией, Ираном и др.

- Вовлечение мусульман в общенациональные социально-политические процессы с последующей выработкой на их основе универсальной государственной идеологии.

Вне сомнения, все вышеперечисленное и многое другое намного легче было бы сделать до падения Сирии Башара Асада, которая являлась ключевым звеном в противостоянии мировому исламу, а также экспансионистским планам Турции и ее союзников. Еще проще можно было бы действовать, не допустив поражения Армении в войне 2020 г. Тем не менее, говорить о фатальности произошедшего в Сирии для постсоветского пространства пока все-таки не приходится. Скорее имеет место изрядно осложнившаяся в последнее время обстановка, которая, при отсутствии к себе должного внимания, имеет шанс создать в будущем серьезные проблемы каждому из региональных государств и, прежде всего – России, как однозначному лидеру постсоветского пространства.

Сложность сложившейся на данный момент ситуации иллюстрируется последними заявлениями неоднократно упомянутого в данной работе Мухаммеда аль-Джулани, который потребовал от России выдачи президента Б. Асада для суда над ним. С этим напрямую увязывается возможность сотрудничества Дамаска с Москвой, готовность терпеть в САР российские военные базы, а в перспективе – воздерживаться от других антироссийских мер. Это – яркое свидетельство стремительного роста appetites и горизонтов планирования деятельности исламистов, которые, не представляясь пока по-настоящему опасными для постсоветского пространства, уже вскоре могут его затронуть во всех смыслах и на разных уровнях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Рюмшин В., Кто есть кто в сирийской оппозиции: гайд по группировкам, которые захватили власть. Постньюс (10.12.2024), <https://postnews.ru/a/32011>

2. Мардасов А., Семенов К., Новая власть в Сирии: сильные и слабые стороны. Российский совет по международным делам (24.12.2024), <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-vlast-sirii-silnye-i-slabye-storony/>

3. Al-Haj, A. Al-SalafiyahwaSalafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad. Al-Jazeera Net, 20 May 2013.

4. Ахмедов В.М., Сирийское восстание: история, политика, идеология. Институт востоковедения РАН. М., 2018. 196 с.

5. HTS Condemns U.S. Terror Designation, Demands Evidence of AQ Link. Site Intelligence Group (01.06.2018), <https://ent.siteintelgroup.com/Statements/hts-condemns-u-s-terror-designation-demands-evidence-of-aq-link.html>
6. HTS Leader Julani Rallies Fighters with Speech in Idlib, Declares Jerusalem As Objective. SITE Intelligence Group (29.01.2018), <https://ent.siteintelgroup.com/Multimedia/hts-leader-julani-rallies-fighters-with-speech-in-idlib-declares-jerusalem-as-objective.html>
7. Hay'at Tahrir al-Sham (HTS): TNT Terrorism Backgrounder. Center for Strategic and International Studies (2018), <https://www.csis.org/programs/former-programs/warfare-irregular-threats-and-terrorism-program-archives/terrorism-backgrounders/hayat-tahrir>
8. Jones S.G., Vallee C., Markusen M.B., Al Qaeda's Struggling Campaign in Syria. Center for strategic and international studies (2018), https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/180403_Jones_AlQaedaSyria_Web.pdf
9. Seale, P. Asad of Syria: The Struggle for the Middle East. O.: University of California Press. 1990. 552 p.
10. Царегородцева И.А., «Братья-мусульмане» и салафиты Египта накануне и после «революции 25 января». Институт Ближнего востока (02.02.2014), <http://www.iimes.ru/?p=19677>
11. Евстратов А.Г., Политический ислам. Ереван, Издательство РАУ. 172 с.
12. Загорец Я., Бурятское лицо кавказского терроризма. Лента.ру (05.03.2010), <https://lenta.ru/articles/2010/03/05/said/>
13. Кокунин М., Убийство Валиуллы Якупова и покушение на муфтия Татарстана: 10 лет спустя. Реальное время (19.07.2022), <https://realnoevremya.ru/news/256326-desyat-let-s-ubiystva-valiully-yakupova-i-pokusheniya-na-ildusa-faizova>
14. Сайидмухаммад-хаджи Абубакаров, Ислам в Дагестане. (21.08.2014), <https://islamdag.ru/lichnosti/26889>
15. Косназаров Д., Исламское движение Узбекистана выбирает большее из зол. Central Asian Analytical Network (14.08.2015), <https://www.caa-network.org/archives/4827>
16. Силантьев Р.А., Распространение ваххабизма в современной России. Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №16(154). История. Вып. 32. Сс. 165-171.
17. Иванов В., Движение Фетхуллага Гулена в России и странах СНГ. Мусульманский мир, №3. 2014. Сс. 49-82.
18. Parkinson J., Albayrak A. From His Refuge in the Poconos, Reclusive Imam Fethullah Gulen Roils Turkey. The Wall Street Journal, (20.01.2004), <http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052702304027204579332670740491570>
19. Альбир-хазрат Крганов: «Привлечь внимание экспертов к изучению традиции суфизма в России». Центр Льва Гумилева (20.04.2013), <https://www.gumilev-center.ru/albir-khazrat-krganov-privlech-vnimanie-ehkspertov-k-izucheniyu-tradicii-sufizma-v-rossii/?ysclid=m8kjjugtu7671942369>
20. Петунин С., Взрывчатку нашли во время молитвы. Коммерсантъ (29.04.2016), <https://www.kommersant.ru/doc/2978106?ysclid=m8kjr12nv5562908401>
21. Светунькова А., Террористы из Крокуса: что с ними сейчас, когда вынесут приговор. Известия (21.03.2025), <https://iz.ru/1857141/alena-svetunkova/terroristy-iz-krokusa-cto-s-nimi-seicas-kogda-vynesut-prigovor>
22. Джемаль Г., Освобождение ислама. М., 2004. 202 с.
23. Маркедонов С.М., Дагестан: новая власть и старые проблемы. Россия и мусульманский мир (2010), <https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%D0%B8%D0%BC%D1%83%D1%81%D1%83%D0%BB>

[D1%8C%Do%BC%Do%Bo%Do%BD%D1%81%Do%BA%Do%B8%Do%B9 %Do%BC%Do%B8%D1%80 N 8 2010/4](#)

24. Станкевич Г.В., Религиозный фактор современного политического процесса. Ставрополь, 2012. 316 с.

25. Амелина Я., Отношение российских мусульман к ИГИЛ и операции воздушно-космических сил России в Сирии. Мусульманский мир. №3, 2016. Сс. 48-51.

26. Малашенко А., Война в Сирии глазами российских мусульман. Фонд Карнеги (28.06.2016), <https://carnegie.ru/publications/63875>

27. Сулейманов Р., КАРТ-БЛАНШ. Ваххабитский интернационал: сегодня Сирия, завтра Россия. Независимая газета (22.05.2013), https://www.ng.ru/regions/2013-05-22/3_kartblansh.html?ysclid=m8klgxsq4378043279

28. The Russian-origin Muslim Diaspora: The Ripple Effects of Conflict. International Crisis Group (12.05.2021), <https://www.crisisgroup.org/global/russian-origin-muslim-diaspora-ripple-effects-conflict>

29. Ханалиев Н.У., Феномен главы Чечни Рамзана Кадырова в укреплении международного мира и безопасности. Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 6(87). Том 12. Сс. 2178-2192.

30. Фонд Ахмата Кадырова откроет в Сирии медцентр для беженцев. Интерфакс (05.08.2008), <https://www.interfax.ru/world/522213?ysclid=m8kml3a8vp952402940>

31. США внесли в черный список гражданина Таджикистана за терроризм. Asia-Plus (30.07.2021), <https://asiaplus.tj.info/ru/news/tajikistan/security/20210730/ssha-vnesli-v-chernii-spisok-grazhdanina-tadzhikistana-za-terrorizm?ysclid=m8kmuorh14606145707>

32. Как киргизский парикмахер создал тюркский батальон Зеленского. Фонд исследований стратегической культуры (20.11.2022), <https://www.fondsk.ru/news/2022/11/20/kak-kirgizskij-parikmaher-sozdal-tjurkskij-batalon-zelenskogo.html>

33. Спицына А., Волгоградский муфтий назвал гибель людей в сирийских провинциях геноцидом. Российская газета (14.03.2025), <https://rg.ru/2025/03/14/volgogradskij-muftij-nazval-gibel-liudej-v-sirijskih-provinciiah-genocidom.html?ysclid=m8knltpoup543540299>

34. Коновалова Е., Заммуфтия Ставрополя оправдал действия боевиков в Сирии. Readovka (10.03.2025), <https://readovka.news/news/221766>

35. Призыв президиума Духовного управления мусульман Российской Федерации в связи с событиями в Сирии. Совет муфтиев ДУМ РФ (09.03.2025), <https://muslim.ru/articles/280/42911/>

36. Намаз в церкви вызвал скандал. Как вологодский храм объяснил, почему разрешил мусульманину помолиться? Духовное управление мусульман Российской Федерации (25.02.2025), <https://dumrf.ru/common/regnews/24708>

37. ДУМ отозвало фетву о многоженстве после реакции Генпрокуратуры. РБК (20.12.2024), <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2024/6769cac49a79472b08c8b9fo?ysclid=m8ko7h9ebi467892369>

38. Как связаны Зангезур, Армения и Сирия? Poistine (29.12.2024), <https://www.youtube.com/watch?v=RoScEyQrkRo>